

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ САМОСТИ В НАУЧНОМ ЛАНДШАФТЕ

Гречина Ольга Сергеевна – аспирант.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация,
119991, г. Москва,
Ленинский горы, ГСП-1;
e-mail: missolg@yandex.ru

Статья представляет собой рецензию на книгу Л. Дастон и П. Галисона «Объективность» (М.: Новое литературное обозрение, 2018), авторы которого отказываются от вневременного понимания объективности и на примере конкретных практик создания, использования и чтения научных образов в атласах с XVIII в. показывают, что объективность имеет свой момент рождения – XIX в. и свою собственную историю. Авторы отталкиваются от определения, согласно которому объективность есть стремление к отказу от субъективности в создании научного образа, а также понимают объективность как одну из эпистемических добродетелей наряду с истиной и достоверностью. Дастон и Галисон подробно описывают несколько режимов научных практик, показывают их соотношение с формированием научных самостей и связь с изменяющимися представлениями о субъективности.

Ключевые слова: объективность, эпистемология, самость, субъективность, научный атлас, визуализация, научные изображения, научные практики

HISTORICAL VARIABILITY OF THE SELF IN THE SCIENTIFIC LANDSCAPE

Olga S. Gretchina – PhD Student.
Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow
119991, Russian Federation;
e-mail: missolg@yandex.ru

The article is a review of «Objectivity» by L. Daston and P. Gallison. The authors reject the timeless understanding of objectivity and demonstrate on a series of examples of specific practices of creating, using and reading scientific images in Atlases from the XVIII century that objectivity has its moment of birth – XIX century and its own history. The authors assume the definition of objectivity as a desire to get rid of subjectivity in the creation of a scientific image. Objectivity functions as one of the epistemological virtues, along with truth and certainty. Daston and Gallison describe several regimes of scientific practices and show their relation to the formation of scientific “selves” and connection with changing conceptions of subjectivity.

Keywords: objectivity, epistemology, self, subjectivity, scientific atlas, visualization, scientific images, scientific practices

Казалось бы, объективность есть нечто, неотъемлемо присущее науке и неразрывно связанное с такими явными критериями научности, как истинность и достоверность. Стремление к объективности отсылает к временам возникновения науки как таковой и является одним из критериев научности. Авторы книги «Объективность» Лоррейн Дастон и Питер Галисон, опубликованной в 2007 г. и переведенной на русский язык в 2018 г., опровергают эту общепринятую точку зрения.

«У объективности есть история» – с этих слов начинается первая глава исследования, и написать эту историю авторам помогает центральный прием – унаследованное от Фуко и Латура умение видеть за категориями, подобными объективности, действующих людей и осуществляемые практики. Такого рода исследование вполне отвечает последним тенденциям в эпистемологии, когда история науки все больше становится социальной, культурной и политической историей. Современные исследователи перемещаются в лаборатории, музеи, больницы для того, чтобы проследить конкретные способы делания науки. Их работа приводит к проблематизации таких понятий, как истина, достоверность, прогресс, которые некогда считались необходимыми характеристиками науки. Дастон и Галисон не концентрируются на описании частных практик, но пишут историю объективности с помощью детализации практического. Они не отказывают объективности в реальном существовании, а задают ей хронологические рамки и приводят актуальные примеры ее использования в науке. Такая фокусировка и позволяет окунуться в исторический контекст, проследить тенденции развития и пересмотров проблемы объективности, а также приблизиться к центральным участникам этих процессов – научным самостям, выражающимся в лице ученых, чьим использованием объективности в конкретных практиках обуславливается ее реальность и состоятельность.

Дастон и Галисон выбирают интересный ракурс для своей работы. Материалом для написания истории объективности являются практики научной визуальности, а именно научные изображения, образы, составляющие традицию создания, изготовления, чтения научных атласов с XVIII в., к ним добавляются «эго-документы» ученых: дневники, автобиографии, сборники практических руководств, служащие для написания истории научной самости. Авторы подробно анализируют конкретные кейсы, но не останавливаются на этих микроисследованиях локального уровня, подобно, например, методу Анн-мари Мол в работе «Множественное тело. Онтология в медицинской практике», которая исследовала онтологию медицины через практики диагностики и лечения пациентов с атеросклерозом в одной нидерландской больнице. Дастон и Галисон постоянно скользят между микроуровнем – анализом частных историй, изображений, документов, персоналий и макроуровнем – панорамным взглядом, высвечивая тенденции изменения режимов научных практик и достигая таким образом широты и размаха исследования.

С помощью анализа изображений из научных атласов Дастон и Галисон определяют три режима научных практик: «истина-по-природе», «механическая объективность» и «тренированное суждение», а также намечают четвертый, характеризующий современность, «образ-как-инструмент». Каждому из них посвящена соответствующая глава в книге. Все они имеют конкретные хронологические рамки, но

эти рамки подвижны и реализуются отлично от несоизмеримых куновских парадигм, приходящих на смену друг другу. Последовательность возникновения перечисленных научных практик, по мысли авторов, должна показать то, как история влияет на настоящее: анализируемые события – это не серия минувших событий, а факторы, основывающие действительность.

Хронологически первым режимом практики научной визуализации, который авторы усматривают в анализе изображений из атласов XVIII в., является «истина-по-природе». В содержании атласов этого периода авторы находят, что создатели изображений передавали не конкретный видимый ими экземпляр, а общий тип, идеализированный совершенный образ. Ученый-наблюдатель XVIII в., например, Карл Линней стремился усмотреть истинные характеристики объекта, отличить подлинные виды от вариаций, существенные свойства от случайных. В изображениях из научных атласов этого периода отражены правильные, типовые объекты. Создатели полагали, что именно подобные идеализации и делают соответствующие изображения истинными, верными природе. Именно поиск истины является первичной эпистемической добродетелью и «истина-по-природе» является ее отражением. Объективность еще не является научной ценностью, т.к. не отвечает главному принципу, на котором Дастон и Галисон основывают понимание объективности, – борьбе с субъективностью. Создатель атласов был нацелен на схватывание идеи в наблюдении, а не на исходное чистое наблюдение само по себе. Именно поэтому адекватным отображением реальности было идеализирование, привнесение субъективности в изображение объекта. Умение видеть типичное – необходимый и почитаемый навык для ученого этого времени, а сама его фигура напоминает мудреца.

«Пусть природа говорит сама за себя» [Дастон, Галисон, 2018, с. 189] – именно этим постулатом выражается суть «механической объективности». Видеть факты, видеть ясно, видеть правдиво – эти стремления довольно быстро завладели мыслью ученых XIX в. С данным периодом Дастон и Галисон и связывают возникновение, а точнее, изобретение объективности как новой эпистемической добродетели. На первый план выходит самодисциплина ученого, стремящегося подавить свои субъективные качества ради достижения картины мира, независимой от человека. Безусловно, на новый дискурс оказал влияние научно-технический прогресс и изобретение фотографии, но влияние это не является неоспоримым. Не всегда фотография являлась предпочтительным выбором для отражения объективной действительности, технические артефакты или возможность фальсификации изображения могли помешать довериться фотографии в отражении реальности. По утверждению авторов исследования, значимым в этот период является не столько появление технического оснащения, сколько – потребности минимизировать участие субъек-

тивности в создании научного образа. Изображение действительно-сти, к которому стремились ученые этого периода, зачастую воспроизводило скорее конкретные экземпляры «как они есть», чем идеальные образы. Сменилась и самость: на место вмещающегося автора-творца XVIII в. пришел наблюдатель со «слепым взглядом», отказывающийся от собственной субъективности. Ученый стремился к самоограничению, предельному автоматизму воспроизведения, он желал быть машиной, олицетворяющей подлинность.

В XX в. институционализация и профессионализация наук привели к формированию нового режима научных практик – «тренированного суждения». Для работы с изображением оказались необходимы тренированные интуиции, которые уже не могли доверяться механическим процедурам: способность выделять и синтезировать знания, считывать паттерны. «Тренированное суждение» предполагает эксперта, обладающего средствами и навыками классификации, которыми он мог делиться со своими преемниками. «Не следует жертвовать точностью в угоду объективности; за исключением отдельных случаев анализ должен быть интеллектуальной, а не электромеханической функцией» [там же, с. 463]. Тип научной самости, соответствующий этому периоду, формировался прежде всего новыми способами обучения, стремлением к интеллектуальности и анализу, что не осуществлялось без субъективного.

К XXI в. количество ученых продолжало увеличиваться, научный прогресс набирал обороты и менялась сама наука. Развитие нанотехнологий вдохновляет Дастон и Галисона на описание режима научной визуализации, характерной для современного периода, – «образ-как-инструмент». Задача современных ученых, занимающихся нанотехнологиями, состоит не только в том, чтобы изготовить правильное изображение, но и в том, чтобы манипулировать им, создавая новые объекты. Современные интерактивные атласы позволяют изменять и подстраивать под себя изображения, но также и становятся основой для изменения реальности; они сами являются частью процесса изготовления нового, а не просто отображают действительность. Изображения становятся инструментами в руках ученых, которые являются теперь инженерно-научными самостями, некоторые из них сочетают в себе качества инженера, бизнесмена, рекламщика, маркетолога и художника. И, следуя настроению, которое задают авторы исследования, можно утверждать, что это не последняя форма эпистемологической добродетели и научной самости в тенденции изменения научных изображений.

Итак, все описанные режимы научных практик формируют определенные типы научных самостей, которым посвящена 4-я глава книги. Дастон и Галисон обращаются к концепциям «техник себя» Фуко [Фуко, 2007] и исследованиям античных практик письма Адо [Адо, 2005] для отображения самостей, конституируемых в научных

практиках. И авторы, и переводчики обращают внимание на выбор слова самость (в оригинале – *self*), которое отражает максимально широкий контекст и не уводит в сторону частных исторических и авторских контекстов (как это происходит с понятиями «Я», «Ego», субъект и др.), а отсылает к подчеркиваемому влиянию материальных практик. Субъективность же подается авторами как один из видов рода самости, она столь же исторически обусловлена, как и объективность.

Авторы демонстрируют широкое расхождение между пассивной распадающейся на пучок ощущений самостью до XVIII в. и активной самостью XIX в., стержнем которой является воля. Посткантовская самость характеризуется цельностью, фундаментальностью и неизымаемостью. Именно Кант проблематизирует самость как центральную фигуру, в том числе, познания. Но, отмечают авторы, проведение границы между субъективностью и объективностью Кант осуществляет радикально другим способом, чем тот, который ему приписывают интерпретаторы. Дастон и Галисон доказывают, что между декартовским пониманием объективности, еще использовавшим слово «объективный» в его схоластическом значении «понятия ума», и его пониманием в «механической объективности» XIX в. в качестве выхода к действительности через подавление самости пролегает глубокий разрыв. Кант понимает под объективным всеобщее и необходимое, а под субъективным – то, что ощущается нами лично. Последователи же Канта в XIX в. прочерчивали это расхождение как границу между миром и умом, достоверным и недостоверным, необходимым и случайным. Задача Канта относилась к эпистемологическому уровню – описать самость как условие возможного опыта, чему и соответствует его понимание объективного, а субъективное отсылает к психологическим или эмпирическим ощущениям. И субъективное, и объективное у Канта относится к самости, обладающей активной волей, но она должна склоняться к своей объективной стороне и подавлять субъективную, чтобы обрести подлинную автономию и свободу.

Так, конституирование волевой самости находится в соотношении с режимами научных практик. «Механическая объективность» XIX в., отрицающая самость, формируется как реакция на укрепление позиций волевой самости. Задача «истины-по-природе» состояла в просеивании и синтезировании ощущений, внимательной регистрации опыта, наиболее успешном наблюдении, за которым еще не стоит ни цельная самость, ни задача прорыва к объективности. Но субъективная самость XIX в. завладевает опытом мира, наделяя его своими интерпретациями и предрассудками. Именно в связи с этим в XIX в. формируется объективность как отказ от субъективности в познании и желание очистить визуализацию от самости. А единственным способом достижения желаемой объективности для научной самости становится самодисциплина и самоустранение. Для

того, чтобы сформулировать идеал объективности, необходимо было сначала прийти к созданию самости, имеющей стойкий стержень воли, с которым объективность начала бы бороться.

Что ж, самость должна практиковаться, и, отталкиваясь от этого, Дастон и Галисон отвечают на вопрос о том, что есть научная самость и как занятия наукой сформировали ученого. С помощью анализа научного наблюдения и визуализации авторы представляют читателям захватывающую историю научной самости и режимов научных практик, в рамках одного из которых в XIX в. сформировалась научная объективность, ставшая в ряд эпистемических добродетелей. «...Изображения постоянно меняются. И вместе с ними меняется и научная самость» [Дастон, Галисон, 2018, с. 567].

Взгляд Дастон и Галисона, историзирующий объективность, а также ставящий ее в исключительную зависимость от самости, конечно, подрывает привычное понимание объективности: релятивизирует ее характер, критикует понимание объективности как вневременной научной добродетели [Шиповалова, 2015]. Но, как нам кажется, такое высвечивание относительности одного из идеалов научности через прослеживание его историчности лишь обогащает его. Авторы смещают угол зрения на проблему объективности, концентрируя его в сфере научного этоса: эпистемология сливается с этикой. Это позволяет установить место объективности среди других научных добродетелей, на особенности сменяемости которых настойчиво обращают внимание Дастон и Галисон. Задавая точку формирования научной объективности в XIX в., они не предрекают ее конец, но описывают сложную игру наслоений, конкуренции и взаимодействий возникающих научных добродетелей с предшествующими [Боганцев, 2009]. Авторы неоднократно подчеркивают изменчивость научных добродетелей, но и их сохранность в истории. Созависимость объективности и субъективности позволяет по-новому раскрыть изменчивость научных самостей: наряду с историчностью объективности как одной из научных добродетелей обнаруживается историчность субъективности как одного из способов тематизации самости. В целом это книга, конечно, именно о научных самостях, которые наделяются или не наделяются объективностью как основной научной добродетелью.

Интересным ходом представляется выбор материала (научные образы в атласах с XVIII в.), на основании которого Дастон и Галисон строят свое исследование. Всего лишь просмотрев представленные в книге изображения, читатель может заметить историческую изменчивость визуализаций. За отдельным изображением стоят конкретные научные самости и конкретные практики, что, безусловно, отвечает задумке авторов и позволяет усилить их аргументацию. Жаль, что в связи с техническими проблемами не все изображения удалось поместить в русскую версию книги, но тщательно выпол-

ненный перевод Вархотова, Гавриленко и Писарева максимально передает содержание работы. Книга Дастон и Галисона «Объективность», безусловно, занимает важную позицию в исследовании понятия объективности и современной философии науки, а также служит интересным ракурсом для изучения исторической изменчивости самости.

Список литературы

Адо, 2005 – Адо П. Духовные упражнения и античная философия. СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 448 с.

Боганцев, 2009 – Боганцев И.А. Лорен Дастон: наука в ее «живой» истории // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2009. Т. XIX. № 1. С. 95–110.

Дастон, Галисон, 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.

Фуко, 2007 – Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

Шиповалова, 2015 – Шиповалова Л.В. Объективность: путь от само собой разумеющегося к самоочевидному // *Вестник СПбГУ. Сер. 17*. 2015. Вып. 2. С. 46–52.

References

Bogantsev, I.A. “Loren Daston: nauka v ee «zhivoi» istorii” [Lorraine Daston: Science in Its “Living” History], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. XIX, no. 1, pp. 95–110. (In Russian)

Daston, L. Galison, P. *Ob’ektivnost’* [Objectivity]. Moscow: NLO, 2018, 584 pp. (In Russian)

Foucault, M. *Germenevtika sub’ekta: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the College de France 1981–1982]. Saint Petersburg: Nauka, 2007, 677 pp. (In Russian)

Hadot, P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual Exercises and Ancient Philosophy]. Saint Petersburg: “Stepnoy veter”, «Kolo», 2005, 448 pp. (In Russian)

Shipovalova, L.V. “Ob’ektivnost’: put’ ot samo soboi razumeyushchegosya k samoochevidnomu” [Objectivity: from Self-Evident to the Obvious], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2015, vol. 17, no. 2, pp. 46–52. (In Russian)